

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ ТА ТЕХНІКИ

УДК 130.12

А. В. ХАЛАПСИС^{1*}

^{1*}Национальная металлургическая академия Украины (Днепропетровск, Украина), эл. почта prof.halapsis@gmail.com, ORCID 0000-0002-9498-5829

ЧУДЕСА И СОВЕРШЕНСТВО БЫТИЯ: ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Цель статьи заключается в исследовании западной картины мира в аспекте представлений о возможности сверхъестественного вмешательства в бытийные процессы. **Методология.** Я исхожу из тезиса, что каждая культурно-историческая общность обладает набором присущих ей представлений о принципах реальности, на основании которых возникают уникальные «вселенные смыслов». Историческое пространство приобретает неевклидовы свойства, которые определяют специфические культурные установки соответствующих обществ и присущая им мифология. **Новизна.** Проблема чуда была рассмотрена в контексте психологической потребности в религиозном авторитете, которая находит свое выражение в религиозных и нерелигиозных (научных) картинах мира, на глубинном уровне связанных между собой посредством инвариантных шаблонов мышления. Доказано, что полноценное существование религии невозможно без чудесной составляющей. Продемонстрировано, что под влиянием развития общества происходит трансформация представлений как о богах, так и творимых ими чудесах. Выявлены теологические истоки научных представлений о необходимости и закономерности естественных процессов. **Выводы.** Религия предполагает эмоциональную вовлеченность и доказательство, что реализуется посредством чуда. Наука Нового времени воспроизводит на своем уровне теологическую концепцию неизменности Бога и Его воли. На протяжении истории человечества меняются не только характер чудесного (общий тренд здесь - расширение границ «обыденного»), но и предполагаемый субъект чуда (и здесь тренд - абстрагирование).

Ключевые слова: реальность; чудеса; совершенство; божественный план; теология; красота научной теории

Актуальность темы исследования

В августе 975 года воображение жителей Византии было потрясено невиданным прежде событием: в небе появилась огромная комета, которая ярко светила с полуночи до утра на протяжении восьмидесяти дней, а видом своим напоминала кипарис; люди были напуганы и озадачены. Вопрос касался национальной безопасности, поэтому император Иоанн I Цимисхий сформировал комиссию экспертов для изучения непонятого феномена. Поскольку событие было небесным, а структур, подобных НАСА, у римеев не было, выбор монарха пал на двух церковных сановников - Симеона и Стефана. После тщательного исследования комиссия пришла к единодушному выводу, что комета предвещает Иоанну победу над врагами и долгие годы жизни. О гонораре за качественно проведенную экспертизу ничего не известно, но можно не сомневаться, что в долгу император не остался.

Рассказывая об этом [10, p.211-212], Лев Диакон не скрывает негодования. Историк уверен в компетентности экспертов, считая, что их

искусство позволяло Симеону и Стефану увидеть будущее. Возмущение Льва вызвало то, что хитрые сановники дали Иоанну Цимисхию наиболее приятный для него ответ, хотя должны были сказать правду о том, что грядут мятежи, варварские вторжения, гражданские войны, голод, мор и почти полное уничтожение Ромейского государства.

В рамках своей парадигмы каждый участник этой истории, включая рассказчика, действовал не только вполне разумно, но и наиболее логично: император призвал специалистов из структуры, которая ближе всего к небесам, те дали заключение наиболее политически целесообразное и финансово выгодное, Лев, писавший свою книгу уже после произошедших событий, уличил сановников во лжи, но ему и в голову не пришло усомниться в способности священников читать небесные знамения, равно как и в том, что это было знамение. Одно остается непонятым: если бы Симеон и Стефан действительно раскрыли императору Иоанну будущее, смог бы он его изменить?

Культурные шаблоны превращаются в привычку зрения. Опыт, лишенный интерпретации

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ ТА ТЕХНІКИ

онной составляющей - чистый опыт - почти невозможен. Появись подобная комета в наше время, отношение к ней, а также выбор экспертов, привлеченных политическими лидерами, были бы наверняка иными.

Интерпретации реальности не могут не оказывать влияние и на саму реальность, по крайней мере, на ту ее часть, которая вовлечена в орбиту человеческой деятельности: не только кометы, но уже и наши корабли бороздят космические просторы. Впрочем, хотя мы и научились в некоторых пределах изменять реальность, но все же не можем управлять ею, ибо, ибо что бы ни говорили последователи просветленного индийского принца или сторонники модных ныне учений, у нас нет кода доступа к исходникам бытия; используя законы природы, человек не может их регулировать.

Однако из того, что этого не можем сделать мы, еще не следует, что это не может сделать никто. И когда человек наблюдает нарушение протекания естественных процессов, он задумывается о существах, которые гипотетически могли бы делать то, чего не могут люди - управлять реальностью. Или наоборот - задумываясь о таких существах, он начинает искать подтверждение их способностям. Речь, конечно, не о тех, кто ушел в себя и создал свой собственный мир, а о тех, кто может невероятным образом изменять реальность этого, - о тех, кого люди называют богами.

Хорошая новость заключается в том, что связаться с богами несложно - почти в каждом населенном пункте нашей планеты есть хотя бы один офис, работники которого любезно помогут желающим сформулировать свои просьбы к небесам и пообещают доставить их по назначению. Но есть и плохая новость: никто не гарантирует результативность обращения. Я не буду поднимать болезненную тему лицензирования и аккредитации небесных представительств, равно как и не буду рассматривать вопрос о причинах конкуренции между ними - вызваны ли они проблемами на местах, или отражают соперничество их небесных руководителей. Впрочем, на деле божественная конкуренция не такая большая, как можно было бы ожидать, и на одном культурно-историческом пространстве редко серьезно соперничают более двух-трех религий. А зачастую - утверждается одна, имеющая, как правило, несколько локальных вариаций.

При этом следует заметить, что религиозные паттерны выходят далеко за пределы церковной оградки и оказывают влияние и на ту часть общества, которая к соответствующей религии относится индифферентно, а то и попросту - враждебно. Забавно, но даже западный атеизм глубоко монотеистичен: его сторонники по умолчанию принимают, что Бог один, хотя и уверены, что Его - нет. Традиции, которые разделяют люди, выросшие в тех странах, где к небесам возвышаются кресты, определяют и содержание всех остальных очевидностей. Житель Запада скорее поставит под сомнение бытие Бога, нежели Его же совершенство.

Однако эти очевидности влекут за собой множество вопросов, ответы на которые отнюдь не очевидны. Как связано совершенство Бога с Его моделью менеджмента? Иными словами, совершает ли Совершенное существо чудесное вмешательство в мировые процессы? Эти и подобные им сугубо теологические вопросы не оставались, однако, делом только теологии, оказывая немалое влияние на мировоззрение западного человека, на его политику и экономику, юриспруденцию и медицину, искусство и военное дело, но в особенности - на научную революцию Нового времени. Я *намереваюсь* исследовать историю становления того типа мышления, который сделал само понятие чуда синонимом чего-то баснословного.

Методология

При исследовании данной проблемы я исходил из тезиса, что каждая культурно-историческая общность (локальная цивилизация) обладает набором присущих ей представлений о принципах реальности («законах природы»), на основании которых возникают уникальные «вселенные смыслов». Вещи, невозможные в одних «мирах», могут быть «естественными» и даже обыденными - в других. Историческое пространство приобретает неевклидовы свойства, которые определяют специфические культурные установки соответствующих обществ и присущая им мифология. Это выдвигает и новые требования как к познанию иных культурных миров вообще, так и к интерпретации происходящих в них процессов - в частности. Подробно эти вопросы я рассмотрел в статье «On the nature of the gods, or Epistemological polytheism as history comprehension method» [7].

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ ТА ТЕХНІКИ

Разработанный в указанной статье *метод* эпистемологического политеизма предполагает приверженность теологическому нейтралитету при погружении в прошлое. Это, в частности, означает, что исследователь не вправе навязывать читателю свои оценочные суждения относительно религиозных представлений иных народов. Недопустимо ни прямо утверждать, ни намекать, что, например, Исида или Кетцалькоатль - «ненастоящие» боги, а «настоящими» являются какие-то другие. Поскольку достоверных данных о небесном правительстве у нас нет, равно как нет данных и об его отсутствии, ученому (философу), претендующему на объективность своих выводов, следует исходить из допущения, что каждый из богов - настоящий в рамках соответствующей системы смыслов и теряет свою реальность за ее пределами. Вопрос же о подлинности в прямом смысле не может быть предметом научного обсуждения. Если в личной жизни человек имеет полное право отдавать предпочтение одному богу, отвергая всех прочих, то, будучи исследователем, он должен ко всем богам относиться с равной почтительностью, никого из них не выделяя, равно как и не унижая предмет чужой веры.

К сказанному добавлю еще одну уточняющую деталь для предупреждения возможных недоразумений. Когда речь идет о политеистических божествах или о боге вообще, я использую написание с маленькой буквы; когда же явно подразумевается Бог христиан, я использую написание с большой буквы исходя из тех соображений, что в рамках христианского мировоззрения это слово фактически является заменой имени; ничего иного мною при этом не подразумевается.

Изложение основного материала

Страх и надежда, кнут и пряник - главные инструменты влияния богов на сознание смертных. Чтобы их использовать, они должны время от времени *нарушать* существующий порядок вещей. Совсем не случайно греческие театральные выступления имели обычай заканчиваться «богом из машины», что имело не столько жанровый (в отличие от «кавалерии из-за холмов»), сколько религиозный смысл. Чудо как чрезвычайное вмешательство, - что может быть более весомым аргументом в пользу религии? И жизнь людей в той или иной степени

подчинена богам, и исторические события, - во всем чувствовалось их влияние. Боги были участниками истории, не раз «появляясь из машины», они приходили на помощь или нарушали планы; боги были реальны и близки, любой грек мог легко назвать десятки случаев божественного вмешательства, части из которых он сам был свидетелем.

Люди возносят богам молитвы и совершают жертвоприношения, работа богов - совершать чудеса для подтверждения и стимуляции веры. Боги Олимпа требовали от людей лишь должного уважения. В целом, они вполне доброжелательны, и люди к ним относились по-семейному, как к друзьям и помощникам. Марк Аврелий приводил молитву жителей Афин: «Ниспошли дождь, милый Зевс, на пашни и долины афинян», добавляя: «Поистине, нам следует либо вовсе не молиться, либо вот так - просто и благородно» [11, p.70].

Христианские же теологи из лучших намерений не только запретили своему Богу грешить [13, p.58], но и отобрали право действовать, поймав в ловушку совершенства и всеведения: для Зевса, который никому ничего не должен, гораздо проще изменить мир, нежели для Бога христиан - нарушить собственный совершенный план. Начало было положено святым Августином, который из вечности Бога вывел вечность и *неизменность* Его воли [1, p.316]. Под благовидным предлогом Богу придали такую степени совершенства, которая полностью лишила Его пространства для маневра. Он знает все, что было, есть *и будет*, а значит, Его ничто не может удивить и заставить изменить собственное решение. История оказывается излишним, а с учетом того, что подавляющее большинство ее участников отправятся прямиком в ад - и довольно жестоком процессе. Свой изощренный садизм (например, решение отправить на вечные муки некрещенных младенцев) святые отцы вслед за Августином приписали Богу, выставив Его в чрезвычайно дурном свете. Надо было обладать поистине виртуозным мастерством, чтобы при этом делать вид, что все это делается для вящей славы Божьей.

Благочестивые мыслители попытались совершить с Богом то же, что совершил Кронос с Ураном, который, будучи оскотлен, лишился своей (мужской) силы, а значит - творческой способности. В случае с христианским Богом

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ ТА ТЕХНІКИ

внешне все выглядело более чем благопристойно, ведь на Него никто открыто не покушался. Однако приписав Всевышнему неизменную волю, его тем самым отстранили от власти - Он создал мир, а обо всем остальном позаботятся теологи, уверяя окружающих, что им известна Его воля и у них прямой канал связи с небесами.

В одном эссе Хорхе Луис Борхес описал общество, имеющее весьма забавное устройство. Короля избирали жрецы, и сразу после выборов его ослепляли и отрубали конечности, дабы ничто не отвлекало монарха от размышлений. Он никогда не видел свою королеву, всю жизнь проводя в пещере. Круг общения короля составляли четверо жрецов и двое слуг, которые обмазывали его нечистотами. Лишь во время войны монарха водружали на носилки и отправляли в самую гущу сражения, где он, как правило, сразу же погибал. При этом считалось, что король обладал абсолютной властью. Бога люди этого племени измыслили по образу и подобию своего короля: это слепое, уродливое и беспомощное существо, наслаждающееся неограниченной властью [3, p.116-117].

Доктора теологии с радостью загнали бы своего Бога если и не в пещеру, то в трансцендентную бутылку, однако у Него оказался мощный союзник в лице народной религии, в которой нет места абстракциям высоких порядков, зато есть вполне практические запросы. Послужившая источником вдохновения для легиона теологов, доктрина мрачного гиппонского епископа никогда не имела большого воздействия на живую практику религиозности. На стороне Бога оказались булочники, торговцы и портнихи, ни слова не понимавшие поллатыни, однако искренне верившие, что Бог постоянно творит чудеса.

Церковное руководство быстро сориентировалось, оценив открывшиеся перспективы, и усилило позиции Всевышнего, ограничив притязания теологов. Последние, упражняясь в остроумии, сочинили немало доказательств бытия Божьего, но единственное доказательство, имеющее силу для подавляющего большинства прихожан - чудо, причем не во времена пророков или апостолов, а здесь и сейчас.

Есть потребность - и чудеса посыпались как из рога изобилия. Лишь самый бедный храм не имел хотя бы одной чудотворной иконы, лишь в самом глухом селе не было чудотворного ис-

точника, лишь самый нерадивый князь не располагал коллекцией конечностей святых. Предприниматели от Церкви ложными чудесами и поддельными реликвиями поддерживали, тем не менее, пламя веры, давно остывшее бы, будь у теологов больше власти. Короче говоря, простодушие и корысть помешали фанатизму догматиков оскопить Бога.

Возникло как бы два мира под одной крышей. В одном - мире мужчин, лишивших себя женской ласки - Божество превратилось в застывший, неизменный, холодный и совершенный интеллект, а мир - в отлаженный механизм (образ механических часов наверняка пришел бы в голову схоластам задолго до Лейбница, имей они их в своем распоряжении), в другом - чудеса происходили повсюду, знамения были на каждом углу, а ведьмы никогда не переводились.

Однако первый мир едва ли далеко выходил на пределы монастырских келий и университетских аудиторий, не будучи в силах серьезно ограничить чудесную реальность второго мира. Наука стала проектом, запущенным изнутри Церкви ее «пятой колонной» - теологией. Последнее не означает, конечно, что теология родила науку, но при родах присутствовала. И дело не столько в личностях, подобных Сильвестру II, сколько в том, что научные представления о красоте теории [4; 6; 8; 9; 12; 14; 15] в сущности оказались инвариантом религиозной идеи совершенства Бога; наука - это теология в квадрате.

Поэтому неудивительно, что сорвавшаяся с церковной цепи наука пошла по пути, намеченному своей крестной матерью - теологией; пошла, и превзошла ее, взявшись толковать, *что в этом мире быть может, а чего - нет*. Даже самые абстрактные теологические системы хоть и с неохотой, все же допускали право Бога творить чудо, а значит - менять установленный (Им же) порядок, мотивируя это рассуждениями, смысл которых сводился к тому, что нарушение плана является частью плана. Ученые в своем большинстве не стали ниспровергать Бога. Они просто отобрали у Него право на чудо.

Молния перестала разрывать небо, став лишь явлением природы, да и другие чудеса стали вызывать вопросы. В таких условиях Церковь была вынуждена призвать на помощь теологию, которая для нее была одновременно и помощницей, и головной болью. Ведь как бы

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ ТА ТЕХНІКИ

по-разному ни трактовали бытие парящие в абстрактных сферах теологи и занимающиеся продажей священных реликвий церковные дельцы, они находились в симбиозе: теологи оправдывали власть Церкви над душами мирян, а та, в свою очередь, давала им работу. Наука же стала представлять прямую угрозу, когда стало очевидно, что контроль над нею утратила не только Церковь, но и теология. Перед лицом общей опасности прежние разногласия отошли на второй план. С теологических систем был снят гриф «Для служебного пользования», а их авторы, польщенные оказанным доверием, взялись отделять «чистую религию» от «народных суеверий». И здесь оказалось, что сделать это безболезненно не получится, ибо чтобы нечто подобное осуществить, необходимо обладать если и не личным сакральным авторитетом, то хотя бы надежными верительными грамотами. С ними возникла заминка, ибо если в прежние времена достаточно было печати церковной канцелярии, то с падением церковного влияния этого стало мало - если печать канцелярии, то непременно Небесной. А без грамоты только и оставалось, что уходить от стрел критики в область трансцендентного. Заняв в ней устойчивую позицию, можно было бы раздавать вечные истины направо и налево, объясняя и суеверам, и маловерам как *на самом деле* работает Бог. Проблема в том, что, рассуждая о трансцендентном, сам теолог вовсе «не был» ни в каком месте, которое можно было бы назвать словом «трансцендентное». Умозрительные гипотезы способны *обозначить* позицию, но не служить доказательством, ибо духовные путешествия никаким образом не фиксируются, и скептик может потребовать штамп, удостоверяющий прохождение границы миров.

Если нечто неопровержимо, но и недоказуемо, то оно переходит в разряд умозрительных концепций, которые можно разделять теоретически, но которые не вызовут живого *практического отклика*. Теологические системы мало что значат без конкретной связи с высшими силами, - связи, которая была бы в состоянии преодолеть ужас холодной бессмысленности мира; деизм - лишь лицемерная и осторожная версия атеизма. От таких манипуляций с трансцендентным совсем недалеко до сведения его к иллюзии, как это сделал, например, Жорж Батай, с изумительной непристойностью отказавший богам в реальности [2, р.36-37].

А вот пограничные состояния изрядно способствуют пробуждению религиозного чувства, поэтому неудивительно, что большинство постоянных посетителей храмов - люди преклонного возраста. Однако было бы ошибочно религиозную веру целиком сводить к страху смерти. Люди всегда боялись умирать, но идеи возможности загробного блаженства или перспектив перерождения появляются далеко не повсеместно. Должна быть *реакция* со стороны неба. Ведь дело не в том, что кто-то хочет жить вечно (мало ли что кому-то придет в голову!), а в том, что такая вера получает (или не получает) санкцию и подтверждение. Это могут быть явленные ауспиции, исполнившееся пророчество, не поддающиеся объяснению факты, - короче говоря, все, что противоречит «законам природы», причем законы Ньютона - лишь частный случай. Люди могли не думать о «законах» и не предполагать, что к природе можно применить это слово, но представления о *порядке вещей* были у них всегда. Но вот на чем основан этот порядок?

Если у Бога есть *совершенный* (и завершенный) план, то нелепо надеяться, что чьи-либо молитвы внесут в него коррективы. Человеку невозможно изменить мир, в котором Бог созерцает лишь то, что заранее Сам же запланировал. Если же мир настроен на потребности человека, тогда он преобразует его в соответствии со своими запросами, а молитва оказывается обращением к «службе поддержки». На основе «жалоб» и «предложений» система совершенствуется, а благодарственные молитвы могут быть неким аналогом «пяти звезд», которые пользователи ставят за удачные разработки. Понятно, что в этом случае говорить о совершенстве этой «службы» или ее Начальника (у Которого есть лучший из возможных планов для лучшего из возможных миров) не приходится; это компенсируется с лихвой, ибо *только мир, лишенный цели, имеет смысл*. В этом контексте представляют интерес «неавгустинские теологии», рассматривающие Бога как артиста [16], или утверждающие, что «как Творец, а не как Демидург, Бог вообще не действует по плану» [5, р.204].

Именно отсутствие плана позволяет Богу действовать, а сами чудеса - считать их багом или фичей - разрывают не только материалистическое одеяло, но и идеалистическую трансцендентную обертку, в которую заворачивают

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ ТА ТЕХНІКИ

чивают божественность. И дело здесь не в масштабе, и даже не в реальной пользе от чуда (хотя и это важно); самое главное - что божество вообще ответило, что оно заинтересовано в этом мире и его обитателях, а не занято только собой, как бог Аристотеля. Последний интересен только достаточно узкой целевой аудитории интеллектуалов, но даже они не станут строить храмы подобным трансцендентным божествам. Большинству же нужен такой бог, которому можно было бы пожаловаться на житейские невзгоды или на начальника-самодура, который займется здоровьем и карьерой своих подопечных, станет их финансовым консультантом, брачным агентом и семейным психологом.

Но есть еще одно обстоятельство. Абсурдно ожидать, что небеса отреагируют на каждое к ним обращение, но хотя бы время от времени и хотя бы в особых случаях человеку необходимо наблюдать ответную реакцию, иначе он начинает подозревать, что его молитвы уходят в никуда. Немного напрягает, когда при попытке соединиться с божеством человек слышит одно и то же: «Абонент находится вне зоны досягаемости». И здесь чудо (пока в него верят) оказывается тем «дымящимся пистолетом», который демонстрирует как могущество небес, так и их вовлеченность в земные события. Религия без чуда - как любовь без секса, со всеми вытекающими следствиями.

Выводы

Чистая вера - довольно редкое блюдо, чтобы какая-либо религия рассчитывала только ею и питаться. Пламя веры быстро угасает без чудес, представляющих собой свидетельство сверхъестественного вмешательства в обычный (обусловленный законами природы или неизменной волей божества) порядок вещей. Появление бога «из машины» демонстрирует его заинтересованность в подлунном мире и дает ему возможность проявить свою волю и реализовать свою власть; кроме того, чудо дает религии важнейшую эмоциональную составляющую.

С теми или иными оговорками сказанное может быть применено к любой религиозной системе; применимо оно и к христианству. Но в его недрах возникает не имеющая прямых аналогов в других культурах особая страта теологов (не путать со священниками!), представители которой профессионально занимаются пере-

водом воли Творца на язык греческой философии. Потребность в этой страте была вызвана ощущением фундаментального разрыва между - говоря словами Павла - Иерусалимом и Афинами, и необходимостью во что бы то ни стало его преодолеть. Задача была выполнена, но за счет мумификации Бога под предлогом наделения Его совершенными качествами.

Так теология заложила в церковное учение мину замедленного действия, безопасную до тех пор, пока живая практика религиозности и церковная практика чудесного бизнеса игнорировала абстрактные построения вошедших в раж ученых монахов. Наука, выступая как наследница теологии, переняла у последней ее интенцию, выводит необходимые следствия, тем самым подрывая эту мину. Причем удар по религии наносит не знание само по себе, а то из его следствий, которое заставляет усомниться как в достоверности отдельных чудес, так и в чудесности всего мира.

На протяжении истории человечества меняются не только характер чудесного (общий тренд здесь - расширение границ «обыденного»), но и предполагаемый субъект чуда (и здесь тренд - абстрагирование). Первые боги - это духи предков, позже боги становятся силами природы, затем боги превращаются в что-то наподобие верховных принципов. Монотеизм - это дальнейший шаг на пути абстрагирования, когда вся божественность переносится на Одного носителя. Тем не менее, в отношении человека к божеству изменилось не так уж много, и главное требование, выдвигаемое к богам - это способность сверхъестественным образом управлять реальностью, проще говоря - чудить.

P.S. Жесткие требования к объему статьи не позволили мне полностью раскрыть заявленную тему. В следующем выпуске журнала «Антропологічні виміри філософських досліджень» я планирую опубликовать еще одну статью, которая станет логическим продолжением этой.

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ ТА ТЕХНІКИ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Augustine. *The Confessions of St. Augustine* / Augustine [transl. J. G. Pilkington]. – New York : Liveright Publishing, 1943. – 1, 414 p.
2. Bataille, G. *Theory of religion* / G. Bataille [transl. R. Hurley]. – New York : Zone Books, 1989. – 126 p.
3. Borges, J. L. *Doctor Brodie's report* / J. L. Borges [transl. N. T. di Giovanni]. – New York : E. P. Dutton & Co., 1972. – 128 p.
4. Dubay, T. *The evidential power of beauty: science and theology meet* / T. Dubay. – San Francisco : Ignatius Press, 1999. – 365 p.
5. Foster, M. B. *Political philosophies of Plato and Hegel* / M. B. Foster. – 2 ed. – New York : Russell & Russell, 1965. – xii, 232 p.
6. Glynn, I. *Elegance in science: the beauty of simplicity* / I. Glynn. – New York : Oxford University Press, 2010. – 304 p.
7. Halapsis, A. *On the nature of the gods, or "Epistemological polytheism" as history comprehension method* / A. Halapsis // *Evropský filozofický a historický diskurz*. – 2015. – Vol. 1. – Iss. 1. – P. 53–59.
8. Inglis, M. *Beauty is not simplicity: an analysis of mathematicians' proof appraisals* / M. Inglis, A. Aberdeen // *Philosophia Mathematica*. – 2015. – Vol. 23. – Iss. 1. – P. 87–109. doi: 10.1093/philmat/nku014.
9. Kuipers, T. A. F. *Beauty, a road to the truth* / T. A. F. Kuipers // *Synthese*. – 2002. – Vol. 131, № 3. – P. 291–328. doi: 10.1023/A:1016188509393.
10. Leo the Deacon. *The History of Leo the Deacon: Byzantine military expansion in the tenth century* / Leo the Deacon [transl. A.-M. Talbot and D. F. Sullivan]. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2005. – xix, 264 p.
11. Marcus Aurelius. *The Meditations of Marcus Aurelius* / Marcus Aurelius [transl. J. Collier]. – Rev. ed. – London : Walter Scott, 1887. – xxvii, 212 p.
12. McAllister, J. W. *Beauty and revolution in science* / J. W. McAllister. – Ithaca; London : Cornell University Press, 1999. – 231 p.
13. Nietzsche, F. *Beyond good and evil* / F. Nietzsche [transl. J. Norman]. – New York : Cambridge University Press, 2002. – xxxiv, 193 p.
14. Walhout, P. K. *The beautiful and the sublime in natural science* / P. K. Walhout // *Zygon*. – 2009. – Vol. 44. – Iss. 4. – P. 757–776. doi: 10.1111/j.1467-9744.2009.01032.x.
15. Weinberg, S. *Dreams of a Final theory* / S. Weinberg. – New York : Vintage Books, 1994. – xi, 340 p.
16. Woodward, J. *Simplicity in the best systems account of laws of nature* / J. Woodward // *British Journal for the Philosophy of Science*. – 2014. – Vol. 65. – Iss. 1. – P. 91–123. doi:10.1093/bjps/axt026.

О. В. ХАЛАПСИС^{1*}

^{1*}Національна металургійна академія України (Дніпропетровськ, Україна), ел. пошта prof.halapsis@gmail.com, ORCID 0000-0002-9498-5829

ЧУДЕСА І ДОСКОНАЛІСТЬ БУТТЯ: ТЕОЛОГІЧНІ КОРИННЯ НАУКОВИХ КОНЦЕПЦІЙ

Мета статті полягає в дослідженні західної картини світу в аспекті уявлень про можливості надприродного втручання в буттєві процеси. **Методологія.** Я виходжу з тези, що кожна культурно-історична спільнота має набір властивих їй уявлень про принципи реальності, на базі яких виникають унікальні «всесвіти смислів». Історичний простір набуває неевклідові властивості, які визначають специфічні культурні установки відповідних суспільств і притаманна ним міфологія. **Новизна.** Проблема чуда була розглянута в контексті психологічної потреби в релігійному авторитеті, яка знаходить своє вираження в релігійних і нерелігійних (наукових) картинах світу, на глибинному рівні пов'язаних між собою за допомогою інваріантних шаблонів мислення. Доведено, що повноцінне існування релігії неможливо без чудової складової. Продемонстровано, що під впливом розвитку суспільства відбувається трансформація уявлень як про богів, так і про чудеса, які вони творять. Виявлено теологічні витoki наукових уявлень про необхідність і закономірність природних процесів. **Висновки.** Релігія передбачає емоційну залученість і доказ, що реалізується за допомогою чуда. Наука Нового часу відтворює на своєму рівні теологічну концепцію незмінності Бога і Його волі. Протягом історії людства змінюються не тільки характер чудесного (загальний тренд тут - розширення меж «буденного»), а й суб'єкт дива (і тут тренд - абстрагування).

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ ТА ТЕХНІКИ

Ключові слова: реальність; чудеса; досконалість; божественний план; теологія; краса наукової теорії

ALEXIS HALAPSIS^{1*}

^{1*}National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnipropetrovsk, Ukraine), e-mail prof.halapsis@gmail.com, ORCID 0000-0002-9498-5829

MIRACLES AND THE PERFECTION OF BEING: THE THEOLOGICAL ROOTS OF SCIENTIFIC CONCEPTS

Purpose of the article is to study the Western worldview as a framework of beliefs in probable supernatural encroachment into the objective reality. **Methodology** is underpinned with the idea that every cultural-historical community envisions the reality principles according to the beliefs inherent to it which accounts for the formation of the unique “universes of meanings”. The space of history acquires the Non-Euclidean properties that determine the specific cultural attitudes as well as part and parcel mythology of the corresponding communities. **Originality** consists in the approach to the miracle as a psychological need in a religious authority, expressed through the religious and non-religious (scientific) worldviews, which are interconnected by invariant thinking patterns deeply inside. It has been proven that the full-fledged existence of the religion is impossible without a miraculous constituent. It has been illustrated that the development of society causes a transformation of beliefs in gods and in miracles they do. The theological origins of the scientific beliefs stating the importance and regularity of the natural processes have been outlined. **Conclusions.** Religion suggests emotional involvement and reasoning which is realized by means of a miracle. The modern science reproduces the theological concept of the permanence of God and His will at own level. Through the history of humankind not only the nature of miracle (whereof the common tendency belongs to the daily reality expansion) underwent changes but also its suggested subject (wherein abstraction is in trend).

Key words: reality; miracles; divine plan; perfection; theology; beauty of a scientific theory

REFERENCES

1. Augustine. The Confessions of St. Augustine. New York, Liveright Publ., 1943. 414 p.
2. Bataille G. Theory of religion. New York, Zone Books Publ., 1989. 126 p.
3. Borges J.L. Doctor Brodie's report. New York, E. P. Dutton & Co Publ., 1972. 128 p.
4. Dubay T. The evidential power of beauty: science and theology meet. San Francisco, Ignatius Press Publ., 1999. 365 p.
5. Foster M.B. Political philosophies of Plato and Hegel. 2 ed. New York, Russell & Russell Publ., 1965. 232 p.
6. Glynn I. Elegance in science: the beauty of simplicity. New York, Oxford University Press Publ., 2010. 304 p.
7. Halapsis A. On the nature of the gods, or “Epistemological polytheism” as history comprehension method. *Evropský filozofický a historický diskurz*, 2015, vol. 1, issue 1, pp. 53-59.
8. Inglis M., Aberdein A. "Beauty Is Not Simplicity: An Analysis of Mathematicians' Proof Appraisals." *Philosophia Mathematica*, 2015, vol. 23, issue 1, pp. 87-109. doi: 10.1093/philmat/nku014.
9. Kuipers T.A.F. Beauty, a road to the truth. *Synthese*, 2002, vol. 131, no. 3, pp. 291-328. doi: 10.1023/A:1016188509393.
10. Leo the Deacon. The History of Leo the Deacon: Byzantine Military Expansion in the Tenth Century. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection Publ., 2005. 264 p.
11. Marcus A. The Meditations of Marcus Aurelius. London, Walter Scott Publ., 1887. 212 p.
12. McAllister J.W. Beauty and revolution in science. Ithaca; London, Cornell University Press Publ., 1999. 231 p.
13. Nietzsche F. Beyond good and evil. New York, Cambridge University Press Publ., 2002. 193 p.
14. Walhout P.K. The beautiful and the sublime in natural science. *Zygon*, 2009, vol. 44, issue 4, pp. 757-776. doi: 10.1111/j.1467-9744.2009.01032.x.
15. Weinberg S. Dreams of a Final theory. New York, Vintage Books Publ., 1994. 340 p.
16. Woodward J. "Simplicity in the Best Systems Account of Laws of Nature." *British Journal for the Philosophy of Science*, 2014, vol. 65, issue 1, pp. 91-123. doi:10.1093/bjps/axt026.

Стаття рекомендована к публікації д. філос. н, проф. В. В. Хмелем (Україна)

Поступила в редколлегию 29.01.2016

Принята к печати 03.06.2016